

Проблема типов

Автор: admin
02.07.2010 09:47 -

Проблема типов

Во всех прочих областях науки законно применение гипотез к безличным объектам. В психологии, однако, мы неизбежно сталкиваемся с живыми отношениями между индивидуумами, ни один из которых не может быть лишен своего личностного начала или как угодно деперсонализирован. Аналитик и пациент могут договориться обсуждать избранную проблему в безличной и объективной манере; но стоит им включиться в дело, их личности тотчас же выходят на сцену. И здесь всякий дальнейший прогресс возможен лишь в том случае, если достижимо взаимное согласие.

Возможно ли объективное суждение о конечном результате? Только если произойдет сравнение наших выводов со стандартами, принятыми в социальной среде, к которой принадлежат сами индивиды. Но даже и тогда мы должны принимать во внимание психическую уравновешенность (или здоровье) этих индивидов. Потому что результат не может быть полностью коллективным, нивелирующим в таком случае индивида, подвергая его под “нормы” общества. Это равносильно совершенно ненормальным условиям. Здоровое и нормальное общество таково, что в нем люди очень редко соглашаются друг с другом, — общее согласие вообще довольно редкий случай за пределами инстинктивных человеческих качеств.

Несогласованность функций служит двигателем общественной жизни, но не это ее цель, — согласие в равной степени важно. Поскольку психология в основном зависит от баланса оппозиций, то никакое суждение не может быть сочтено окончательным, пока не принята во внимание его обратимость. Причина подобного факта заключена в том, что нет точки отсчета для суждения о том, что есть психика за рамками самой психологии.

Несмотря на то, что сны требуют индивидуального подхода, некоторые обобщения необходимы, чтобы помочь разъяснить и классифицировать материал, который собирается психологом при изучении многих индивидов. Очевидно, невозможно сформулировать какую-либо психологическую теорию или обучить ей, описывая большое количество отдельных случаев без какой-либо попытки увидеть, что они имеют общего и в чем различны. В основу могут быть положены любые общие характеристики. Можно, например, довольно просто различать экстравертов и интровертов. Это только одно из многих обобщений, но уже оно позволяет воочию увидеть трудности, которые возникают, если аналитик принадлежит одному типу, а пациент — другому.

Так как любой достаточно глубокий анализ снов ведет к конфронтации двух индивидов, то

Проблема типов

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

очевидно, что большое значение будет иметь принадлежность индивидов к определенному типу установки (аттитюда). Принадлежа к одному типу они достаточно долго и счастливо могут плыть вместе. Но если один из них экстраверт, а другой — интроверт, их различные и противоречивые точки зрения могут столкнуться в любой момент, в особенности, если они пребывают в незнании относительно своего типа личности или убеждены, что их тип самый правильный (или единственно правильный). Экстраверт, например, будет выбирать точку зрения большинства, интроверт отвергнет ее, посчитав данью моде. Такое взаимонепонимание возникает весьма легко, поскольку ценности одного не являются таковыми для другого. Фрейд, например, рассматривал интровертность как болезненную обращенность индивида на себя. Но самонаблюдение и самопознание могут в равной степени быть ценнейшими и важными качествами личности.

Иметь в виду подобную разницу в типах личности жизненно необходимо при истолковании сновидений. Не следует полагать, что аналитик — некий супермен, обладающий истиной вне этих различий лишь потому, что он доктор, постигший психологическую науку и соответствующую технику исцеления. Он может лишь воображать себя высшим в той степени, в какой полагает абсолютно истинными свою науку и технику. Поскольку подобное более чем сомнительно, то никакой абсолютной уверенности здесь быть не может. Соответственно, у аналитика будут свои тайные сомнения, если он столкнет человеческую целостность своего пациента с теорией и техникой (которые, в сущности, гипотеза и попытка), а не со своей живой целостностью.

Целостная личность аналитика — единственный адекватный эквивалент личности его пациента. Психологический опыт и знание всего лишь некоторые преимущества на стороне аналитика, не более. Они не уберегут его от сражения, в котором он будет испытан так же, как и его пациент. Окажутся ли их личности конфликтными, гармоничными или взаимодополняющими, — вот что существенно в данном случае.

Экстраверсия и интроверсия — всего лишь две из многих особенностей человеческого поведения. Но именно они довольно часто узнаваемы и очевидны. Изучая индивидов-экстравертов, например, довольно скоро можно обнаружить, что они во многих отношениях отличаются друг от друга, и экстравертность оказывается слишком поверхностной и общей характеристикой. Вот почему уже давно я пытаюсь найти некоторые другие основные характеристики, которые могли бы служить целям упорядочения явно безграничных колебаний человеческой индивидуальности.

Меня всегда впечатлял тот факт, что существует удивительное число людей, которые никогда не применяют свой мозг к делу, если этого можно избежать, и одинаковое с ними количество людей, которые непременно им воспользуются, но поразительно глупым образом. Столь же удивительным для меня было обнаружить достаточно много образованных и широко мыслящих людей, которые живут, словно не умея пользоваться своими органами чувств (насколько это можно заметить). Они не замечают вещей перед своими глазами, не слышат слов, звучащих у них в ушах, не замечают предметов, которые трогают или пробуют на вкус. Некоторые живут, не замечая, не осознавая своего собственного тела.

Проблема типов

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

Есть и другие, которые, казалось бы, живут в странном режиме своего сознания, будто состояние, в котором они сегодня оказались, было окончательным, постоянным, без какой-либо возможности перемен. Словно мир и психика статичны и остаются таковыми вечно. Они, казалось бы, избегали любого вида воображения и всецело зависели от непосредственного восприятия. В их мире отсутствовал случай или возможность чего-нибудь, и в "сегодня" не было ни атома "завтра". Будущее оказывалось простым повторением прошлого.

Я пытаюсь дать здесь эскиз первых впечатлений, когда я начал изучать тех людей, которых встречал. Скоро, однако, мне стало ясно, что те, кто пользовался разумом, были теми, кто думал, т.е. применял свои интеллектуальные способности, пытаясь адаптировать себя к людям и обстоятельствам. Но равно интеллигентными оказались и те люди, которые не думали, а отыскивали и находили свой путь с помощью чувства.

"Чувство" — это слово, которое нуждается в некотором пояснении. К примеру, кто-то говорит о чувстве, имея в виду "переживание" (соответствует французскому "сентимент"). Но его также можно использовать и для выражения мнения; к примеру, сообщение из Белого Дома может начинаться: "Президент чувствует...". Это слово может использоваться и для выражения интуиции: "У меня такое чувство, что..." .

Когда я пользуюсь словом "чувство" в противовес слову "мысль", то имею в виду суждение о ценности, например, приятно или неприятно, хорошо или плохо и т.д. Чувство, согласно этому определению, не является эмоцией (последнее, следуя этимологии э-мо-шион - движение, непроизвольно). Чувство, как я это понимаю (подобно мышлению), рациональная (т.е. управляющая) функция, в то время как интуиция есть иррациональная (т.е. воспринимающая) функция. В той степени, в какой интуиция есть "предчувствие", она не является результатом намеренного действия, это скорее непроизвольное событие, зависящее от различных внутренних и внешних обстоятельств, но не акт суждения. Интуиция более схожа с ощущением, являющимся также иррациональным событием постольку, поскольку оно существенно зависит от объективного стимула, который обязан своим существованием физическим, а не умственным причинам.

Эти четыре функциональных типа соответствуют очевидным средствам, благодаря которым сознание получает свою ориентацию в опыте. Ощущение (т.е. восприятие органами чувств) говорит нам, что нечто существует; мышление говорит, что это такое; чувство отвечает, благоприятно это или нет, а интуиция оповещает нас, откуда это возникло и куда уйдет.

Читатель должен понять, что эти четыре типа человеческого поведения — просто четыре точки отсчета среди многих других, таких, как воля, темперамент, воображение, память и т.д. В

Проблема типов

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

отношении названных нет ничего догматического, раз и навсегда усвоенного, они рекомендуются лишь в качестве возможных критериев для классификации. Я считаю их особенно полезными, когда пытаюсь объяснить детям их родителей, женам — их мужей и наоборот. Они также полезны для понимания наших собственных предрассудков.

Так что, если вы хотите понять сон другого человека, вы должны пожертвовать своими пристрастиями и подавить свои предрассудки. Это не так легко или удобно, поскольку требует морального усилия, которое не каждому по вкусу. Но если аналитик не сделает определенного усилия и не подвергнет критике свою точку отсчета, признавая ее относительность, он никогда не соберет верной информации и не углубится достаточно полно в сознание пациента. Аналитик ожидает, по крайней мере, от пациента некоторого желания выслушать его мнение и принять его всерьез, но и пациенту должно быть гарантировано такое же право. Хотя подобные отношения обязательны для любого понимания и, следовательно, самоочевидны, приходится напоминать об этом всякий раз, — в терапии понимание пациента важнее теоретических ожиданий аналитика. Сопротивление пациента толкованию аналитика не является с необходимостью неверным, это скорее верный признак того, что что-то не “стыкуется”. Либо пациент еще не достиг точки понимания, либо не подходит интерпретация.

В наших усилиях понять символы сна другого человека мы почти неизменно наталкиваемся на нашу тенденцию заполнять неизбежные провалы нашего понимания проекцией, т.е. предположением, что то, что ощущает и думает аналитик, соответствует мысли и чувству пациента. Дабы преодолеть этот источник ошибок, я всегда настаивал на важности строгого ограничения контекстом самого сна и на исключении всех теоретических предположений относительно снов вообще, за исключением гипотезы, что сны содержат некий смысл.

Из всего того, что я сказал, должно быть ясно, что не существует общих правил для толкования сновидений. Когда ранее я предположил, что всеобщая функция снов заключается в компенсации недостатков и искажений сознания, то подразумевал при этом многообещающий подход к природе отдельных сновидений, открывающийся при подобного рода предположении. В некоторых случаях эта функция проявляется довольно отчетливо.

Один из моих пациентов был весьма высокого мнения о себе, не догадываясь при этом, что почти каждый, кто его знал, раздражался этим видом его морального превосходства. Он пришел ко мне со сновидением, в котором ему представлялся пьяный бродяга, валявшийся в канаве, — зрелище, побудившее его лишний раз произнести снисходительное замечание: “Страшно видеть, как низко может пасть человек”. Было очевидно, что неприятный сон отчасти и по крайней мере был попыткой компенсировать его преувеличенное мнение о своих собственных заслугах. Но было там и нечто большее. Оказалось, что у него был брат, опустившийся алкоголик. Сон обнаружил также, что повышенная установка компенсировала наличие такого брата, как внешний, так и внутренний образ.

Проблема типов

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

В другом случае я вспоминаю женщину, гордившуюся своим пониманием (знанием) психологии, которой периодически снилась другая женщина. Когда она встретила ее наяву в повседневной жизни, то та ей не понравилась, показалась суэтной и нечестной интриганкой. Тем не менее в снах она появлялась дружественной и милой, почти как сестра. Моя пациентка не могла понять, почему во сне она видит в таком благоприятном виде человека, которого в жизни явно не любит. Но эти сны были способом провести мысль о том, что ей самой присущи некоторые “теневые” бессознательные черты, схожие с той женщиной. Пациентке было трудно признать это, поскольку у нее имелись весьма четкие представления о своей личности, а здесь требовалось осознать, что сон рассказывает о ее собственном комплексе власти и скрытых мотивах — бессознательных влечениях, не раз приводивших ее к неприятным ссорам с друзьями. Ссорам, в которых она винила всегда других, а не себя.

Но не только “теневую” сторону нашей личности мы не замечаем, игнорируем и подавляем. Мы проделываем то же самое и с нашими положительными качествами. В качестве примера вспоминается один весьма скромный, легко смущающийся молодой человек с приятными манерами. Он всегда казался довольствующимся второстепенной ролью, но непременно настаивал лишь на своем присутствии. Когда его просили что-нибудь сказать, он излагал продуманные суждения, но никогда не навязывал их. Иногда он, правда, намекал, что тот или иной вопрос можно было бы рассматривать и на другом, более высоком, уровне (хотя никогда не объяснял, как).

В своих снах, однако, он постоянно сталкивался с великими историческими фигурами, такими, как Наполеон или Александр Македонский. Эти сны явно компенсировали его комплекс неполноценности. Но они подразумевали и нечто другое. Кто же я таков, спрашивал сон, если у меня такие знаменитые гости? В этом смысле сон указывал на скрытую мегаломанию, компенсировавшую чувство неполноценности. Бессознательная идея величия изолировала его от реальности окружающих его людей и позволяла пребывать вне обязательств, неукоснительных для других. Он не ощущал необходимости доказывать — самому себе или другим, — что его высокое суждение зиждется на высоком достоинстве.

Бессознательно он играл в нездоровую игру, о чем его пытались поставить в известность его же сны, причем весьма двусмысленным образом. Панибратская компания с Наполеоном и беседы с Александром Македонским как раз относятся к числу фантазий, развивающихся при комплексе неполноценности. Но можно спросить, почему же сон не сделал это прямым образом и не высказал открыто то, что следовало сказать, а прибег к двусмысленности?

Мне часто задавали этот вопрос, об этом же спрашивал себя и я сам. Порой я поражался, каким мучительным способом сны стремятся избежать определенной информации или опустить решающий момент. Фрейд предположил наличие специальной психической функции, которую назвал “цензором”. Цензор, считал он, искажает образы сна, делает их неузнаваемыми или вводящими в заблуждение с тем, чтобы обмануть спящее сознание относительно действительного содержания сна. Скрывая неприятную мысль от спящего, “цензор” защищает его сон от шока неблагожелательных реминисценций. Но я отношусь к этой идее скептически, — сновидение вовсе не охраняет сон как процесс; сновидения равным образом могут нарушить сон.

Проблема типов

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

Скорее это выглядит таким образом, что приближение к сознанию оказывает “стирающее” воздействие на подпороговое содержание психики. Подпороговое состояние удерживает идеи и образы на более низком уровне напряжения, чем они имеют его в сознании. В подпороговом состоянии они теряют четкость определенности, отношения между ними становятся менее последовательными, более неопределенно схожими, менее рациональными и, следовательно, более “неизъяснимыми”. Во всех состояниях, близких ко сну, связанных с усталостью, болезнью или интоксикацией, можно увидеть то же самое. Но если происходит нечто, придающее этим образом большее напряжение, они делаются менее подпороговыми и по мере приближения к порогу сознания становятся более определенными.

Отсюда можно понять, почему сны зачастую выражают себя аналогиями, почему образы снов переходят один в другой и почему неприменимыми к ним становятся логика и временные масштабы повседневной жизни. Форма, которую принимают сны, естественна для бессознательного, потому что материал, из которого они сотканы, наличествует в подпороговом состоянии именно в таком виде. Сны не охраняют спящих от того, что Фрейд назвал “несовместимым желанием”. То, что он считал “маскировкой”, есть по существу форма, которую в бессознательном приобретают все импульсы. Поэтому сон не может продуцировать определенную мысль, если он начинает это делать, он перестает быть сном, поскольку при этом пересекается порог сознания. Вот почему сны упускают те самые моменты, которые наиболее важны для сознающего разума и скорее манифестируют “край сознания” аналогично слабому блеску звезд во время полного затмения солнца.

Мы должны понять, что символы сна являются по большей части проявлениями той сферы психического, которая находится вне контроля сознательного разума. Смысл и целенаправленность не есть прерогативы разума, они действуют во всяком живом организме. Нет принципиальной разницы между органическим и психическим развитием. Так же, как растение приносит цветы, психическое рождает свои символы. Любой сон свидетельствует об этом.

Таким образом, с помощью снов (наряду с интуицией, импульсами и другими спонтанными событиями) инстинктивные силы влияют на активность сознания. Благостно или дурно это влияние, зависит от наличия содержания бессознательного. Если оно содержит слишком много того, что в норме должно быть осознанно, то бессознательное искажается, делается предвзятым, возникают мотивы, основанные не на инстинктах, но обязаные своему проявлению и психологическому значению тому факту, что оказались в бессознательном в результате вытеснения или недосмотра. Они накладываются на нормальную бессознательную психику и искажают ее естественную тенденцию выражать основные символы и мотивы. Поэтому для психоаналитика, интересующегося причинами душевного беспокойства, разумно начать с более или менее добровольной исповеди пациента, начать с осознания всего того, что пациент любит, а чего — нет, чего он боится.

Эта процедура весьма схожа с церковной исповедью, во многих отношениях предвосхитившей современную психологическую технику. По крайней мере, ее общее правило. На практике, однако, порой приходится действовать и другим способом; непреодолимое чувство неполноценности или слабости могут сделать для пациента трудным и даже невозможным взглянуть в лицо новому свидетельству собственной неадекватности. Поэтому частенько я нахожу полезным начинать с ободряющих положительных интонаций в беседе с пациентом, это

Проблема типов

Автор: admin

02.07.2010 09:47 -

помогает обрести чувство уверенности, когда он приближается к более болезненным откровениям.

Возьмем в качестве примера сон с “личностной экзальтацией”, в котором, скажем, некто пьет чай с английской королевой или оказывается в дружеских отношениях с римским папой. Если сновидец не шизофреник, практическое толкование символа во многом зависит от состояния его рассудка или положения Эго. Если сновидец переоценивает свою значимость, то легко показать (из материала произведенного ассоциацией идеи), насколько несоответственны и инфантильны намерения сновидца, а так же в какой степени они исходят из детских желаний быть равным или превзойти своих родителей. Но в случае неполноценности, когда всеподавляющее чувство собственной незначимости уже преодолело всякий положительный аспект личности сновидца, было бы совершенно неправильным подавлять его еще больше, показывая, насколько он инфантилен, смешон или даже извращен. Это безжалостно увеличит его неполноценность и окажется причиной недружелюбного и совершенно ненужного сопротивления при лечении.

Не существует терапевтической техники или теории для общего пользования, ибо каждый случай является индивидуальным и совершенно специфическим. Я помню пациента, которого я лечил свыше девяти лет. Каждый год я видел его лишь в течение нескольких недель, поскольку он жил за границей. С самого начала я знал его подлинную беду, но видел и то, что малейшая попытка приблизиться к проблеме встречала жесткое сопротивление, угрожавшее полному разрыву наших отношений. Хотел я того или нет, но я был вынужден идти на все издержки, чтобы поддерживать наши отношения и следовать его линии поведения, которая диктовалась его снами и которая уводила наши обсуждения прочь от истоков его невроза. Мы отклонялись столь далеко, что я даже начинал винить себя в том, что ввожу его в заблуждение. И лишь то обстоятельство, что состояние его стало понемногу улучшаться, удержало меня от решительного шага по выяснению всей правды.

На 10-м году, однако, сам пациент заявил, что он вылечился и освободился от всех своих симптомов. Я удивился, потому что теоретически он был неизлечим. Заметив мое удивление, он улыбнулся и сказал (буквально) следующее: “И прежде всего я хотел бы поблагодарить вас за неизменный тakt и терпение, с которыми вы помогли мне обойти болезненную причину моего невроза. Теперь я готов рассказать вам все. Если бы я мог свободно говорить об этом тогда, то рассказал бы вам сразу же на первой консультации. Но это разрушило бы мой контакт с вами. И к чему бы это привело? Я бы морально обанкротился. В течение десяти лет я научился доверять вам, и поскольку мое доверие выросло, то и состояние улучшилось. Мне стало лучше, потому что этот медленный процесс восстановил веру в себя. Теперь я могу обсуждать проблему, которая так долго меня мучила”.

Затем он с поразительной искренностью поведал о всех своих терзаниях, которые объяснили и причины такого специфического хода лечения. Первоначальный шок оказался настолько сильным, что в одиночку ему невозможно было с ним справиться. Он нуждался в помощи другого, и собственно терапевтическая задача заключалась в неторопливом утверждении доверия более, чем в демонстрации клинической теории. Благодаря подобным случаям я научился применять свои методы к конкретным пациентам, а не пускаться в общие

Проблема типов

Автор: admin
02.07.2010 09:47 -

теоретические рассуждения, которые могли оказаться неприменимыми в каждом конкретном случае. Знание человеческой природы, которое я накопил в течение 60 лет практики, научило меня рассматривать каждый случай как совершенно новый, требующий прежде всего поиска индивидуального подхода. Иногда без колебаний я погружаюсь в тщательное изучение событий и фантазий детства; в других случаях начинаю с верхнего этажа, даже если это значило бы парение в отвлеченных метафизических рассуждениях. Все зависит от постижения индивидуального языка пациента в процессе следования на ощупь за его бессознательным к свету. Одни случаи требуют одного пути, другие — иного.

Это в особенности верно, когда пытаешься интерпретировать символы. Два разных человека могут видеть почти одинаковый сон. (Это, как показывает клинический опыт, не такая уж необычная вещь, как принято думать.) Однако если один из сновидцев молод, а другой стар, проблема, обеспокоившая их, соответственно разная, и было бы нелепо толковать оба сна одним и тем же образом.

Пример, который приходит в голову, демонстрирует сон, в котором группа молодых людей раскатывает верхом по широкому полю. Спящий возглавляет движение и прыгает через канаву, наполненную водой, тем самым оправдывая свое назначение. Остальные же падают в канаву. Молодой человек, который первым рассказал мне этот сон, принадлежал к интровертному, предусмотрительному типу людей. Весьма похожий сон я слышал также от пожилого человека отважного характера, ведшего активную предприимчивую жизнь. К моменту, когда он увидел этот сон, он был инвалидом, доставлявшим массу хлопот своему врачу и сестрам. Бедняга действительно вредил самому себе, не выполняя медицинские предписания.

Было ясно: сон рассказывал молодому человеку, что ему следует делать. Старику же он говорил, что в действительности он до сих пор делал. Сон ободрял колеблющегося молодого человека, старику же в таком ободрении вовсе не нуждался. Дух предприимчивости, который все еще мерцал в нем, фактически и был его главной бедой. Этот пример показывает, каким образом истолкование снов и символов во многом зависит от индивидуальных обстоятельств, человека-сновидца и состояния его разума.